

«Война навек осталась с нами...»

Воспоминания детей блокадного Ленинграда.

Сборник воспоминаний.
Составитель:
Сонина Лилия Васильевна

...

Вспоминает **Шелагина Ирина Яновна**, 1925 года рождения, научный сотрудник СЗНИИСХ.

«Когда началась Великая Отечественная Война, мне было всего 16 лет, и я должна была окончить среднюю школу.

Мы жили на Петроградской стороне. Школа, где я училась, находилась на углу улицы Ленина и Большого проспекта П.С. Осенью 1941 года наш десятый класс сильно поредел. Из класса оставалось всего несколько человек. В других школах тоже сократилось число учеников. И тогда всех выпускников 7-х, 9-х, 10-х классов объединили в одной школе, которая располагалась в здании бывшей гимназии на ул. Подковырова. Нам отвели актовый зал для занятий, разделив его на три части: в одной занимались девятиклассники, в другой - семиклассники, а нам - выпускникам десятого класса отвели самое тёплое место - у печки-буржуйки. Наши занятия не прекращались ни холодной осенью 1941 года, ни в суровую зиму 1942 года, и в разгар белых ночей в июне сорок второго года мы сдали выпускные экзамены. Делалось всё возможное, чтобы мы выжили. В перерывах между уроками мы ходили по верхнему этажу и с разрешения учителей, а иногда и без разрешения, собирали остатки школьной мебели, парты, сломанные для нашей печки. Раз в день нам давали половину кружки киселя, приготовленного из довоенного сиропа, который предназначался когда-то для газированной воды. Как и всем жителям блокадного Ленинграда, нам выдавались продовольственные карточки, которые разделялись по декадам, т.е. на каждые 10 дней.

Мне запомнился такой случай. В булочной я увидела, как женщина выронила из сумки четыре карточки, скреплённые вместе, на целую декаду. По тем временам это было настоящее богатство, можно было бы получать 125 грамм хлеба по каждой карточке целых десять дней! Какой это был для меня соблазн - не передать! И чтобы не поддаваться этому соблазну, я закричала во всё горло женщине, что она потеряла карточки. Женщина настолько была ошеломлена случившимся и тем, что я вернула ей всё потерянное, что не смогла вымолвить ни слова, только потрясённо смотрела на меня и благодарно кивала. Слёз у неё не было, тогда все мы разучились плакать. А я чувствовала подавленность от благородства своего поступка, и где-то подспудно у меня зарождалось сожаление о возвращённых хлебных карточках, но я его подавила в себе, и до сих пор воспоминание о случившемся тогда, и о том поступке греет мне душу....

Наши учителя проявляли по отношению к нам много терпения и житейской мудрости. Я помню, как на уроках химии учительница, объясняя новый материал, не забывала давать нам практические советы по поводу того, что глицерин и касторку можно употреблять в пищу, а вот вазелин - нельзя...

Школу мы посещали добросовестно, несмотря ни на что... На улицах и дома мы не обращали внимания на бомбёжки и артобстрелы, в бомбоубежищах не прятались, потому что понимали, что не только «пуля-дура», но и «снаряд-дурак», может шарахнуть в любое место, и никакое укрытие не спасёт. Дежурные во дворе, а чаще всего это были дворники, зазывали жителей в бомбоубежища, но делали это вяло, а мы отмахивались и всячески старались увильнуть от сидения в подвалах и бомбоубежищах. Но в школе - другое дело - по сигналу тревоги нас в бомбоубежище загоняли обязательно.

И вот однажды мне довелось сидеть в бомбоубежище. Было это 22 июня 1942 года, ровно год спустя после начала войны, в самый длинный день лета. В этот день я сдавала последний экзамен за десятый класс. Это был экзамен по немецкому языку. Мы с энтузиазмом изучали язык врага, особенно разговорный, потому что готовили себя для борьбы со шпионами, которых в то время во множестве засылали в город. Как только я взяла экзаменационный билет, началась бомбёжка. Нас срочно отправили в бомбоубежище, что дало мне возможность проконсультироваться по своему билету у своих одноклассников, и экзамен я сдала на «отлично». В радостном настроении заторопилась я домой, чтобы сообщить маме и младшей сестре Наталье, что я успешно окончила среднюю школу. Подхожу к парадному подъезду своего дома, а меня не пускают: верхние этажи дома пострадали при бомбёжке. Кругом осколки, рухнувшие балки, кирпичи, разбросанные домашние вещи... Иду с чёрного входа, влетаю в нашу квартиру на 6-ом этаже, а в квартире никого нет - ни живых, ни мёртвых! Кричу, зову сестру, но её не видно. Видны только осколки, разбитые стёкла и развороченный комод, который стоял в простенке между окнами, а сестрёнки нет. Я в ужасе! Бегу к маме на работу. Она была инженером на заводе им. Свердлова, и в это время занималась размораживанием канализационной системы. Прибегаю к ней и вижу, что у неё сидит живая и невредимая моя младшая сестра, которая именно в этот день, именно в этот час решила навестить маму, что и спасло ей жизнь. Это стало самым радостным событием для меня. Когда маме, как сотруднице оборонного завода, предложили выехать на место эвакуации завода в Новосибирск, она согласилась. Нам так не хотелось покидать любимый город, дом, родных и только разрушение жилища от бомбёжки заставило нас покинуть город в августе 1942 года. После войны наша семья вернулась в Ленинград.

Спустя много лет меня пригласили в мою военного времени школу на встречу выпускников. Назывались года выпусков, и питомцы школы поднимались на сцену. Среди них были те, кто окончил школу в 20-х годах, в 30 годы, но вот назван год выпуска 1942-ой, и выяснилось, что из всего нашего класса на вечере я была единственной, правда, потом, случайно, я встретила ещё одну свою одноклассницу, но больше кого-нибудь из нашего выпуска 1942 года встречать мне не доводилось.

Из того времени помню ещё свой день рождения 11 февраля 1942 года. Он был отмечен тем, что громко заговорило радио, вдруг загорелось электричество, не работавшее всю зиму, и, самое главное, увеличили норму хлеба. Разве можно забыть

об этом, - это незабываемо!

Моё поколение, чья юность пришлась на годы жестокой войны с фашистами, несмотря на пережитые горести, трудности, лихолетье, не разучилось радоваться жизни, ценить её, какой бы трудной и тяжёлой она не была».

Примерно 1970 г.